

В КОЛХОЗЕ «БОЛЬШЕВИК» СТРЕЛЕЦКОГО РАЙОНА. На снимке: колхозники Е. Н. Крежиневская, Т. В. Шатунова и Е. В. Бирюкова набрасывают кучи для задержания снега.

Фото В. Строева.

ВОЗИТЬ СВЕКЛУ ПО - ВОЕННОМУ!

Вручную, на санках

В беседе с нашим корреспондентом председатель исполкома Советского райсовета тов. Котев сообщил, что темпы вывозки свеклы в последние дни значительно усилились. С 8 февраля вывезено более 2,5 тыс. центнеров.

Лучше используются автомашины МТС. Из дальних колхозов они делают 3—4 рейса в день. Все остальные колхозы вывозят свеклу вручную. Колхозники артелей Мансуровского и Куйбышевского сельсоветов всю свеклу вывезли на санках. Особенно активно работала бригада Голощапова из колхоза им. Кирова. Она закончила вывозку, выполнив свое обещание. Ее примеру последовали другие бригады. В результате колхоз около 200 центнеров свеклы. Так же вручную вывезли свеклу колхозники бригады т. Пахомова из колхоза «Труд».

Звено Иванчиков из колхоза им. Розы Люксембург вырастило неплохой урожай свеклы. Ответ-

чая на призыв глушковых, звеновая говорила: — Стыдно нам будет, если наша свекла погибнет. Давайте возить вручную.

Звено, подготовив санки, ежедневно возило свеклу на пункт и ко дню годовщины Красной Армии закончило эту работу.

Сильно отставал с вывозкой свеклы колхоз «Путь к социализму», где председателем тов. Афанасьева. Вырастил высокий урожай (по 300 цент. с га в среднем), артель не смогла быстро перебросить свеклу на станцию. Этому колхозу оказали помощь. Но колхозники не переставали возить свеклу вручную. Особенно активно поработало звено Есенковой. Сейчас колхоз уже вывез всю свеклу.

Мы широко распространяем во всех колхозах примеры героического труда колхозников на вывозке свеклы. Мы не допустим гибели ни одного корня этой ценнейшей культуры. Районные организации принимают сейчас все меры к тому, чтобы закончить вывозку свеклы к 8 марта.

УЗНАЕМ, ПОДСЧИТАЕМ...

ОБОЯНЬ, 27 февраля. (По телефону). Мы разговариваем с секретарем райкома ВКП(б) тов. Александровым. Интересуемся, как идет вывозка свеклы. Кому-то, а секретарю райкома следует знать, как обстоит дело с выполнением важнейшего государственного задания.

Но наш разговор короток. Тов. Александров сообщил только, что 25-го февраля вывезено 1350 цент., 26-го—960, что 25-го на вывозке участвовало 16 подвод, 26-го—27 подвод.

В Обояни есть автомашины. Как они работают, сколько они вывезли?

— Узнаем, подсчитаем,—ответит т. Александров.

— Какие колхозы не закончили вывозку, почему они отстают?

— Узнаем, подсчитаем,—вторит тов. Александров.

Если в райкоме не знают положения с вывозкой свеклы, то о какой же организации дела, о каком руководстве можно говорить.

А положение тяжелое. На полях еще 30 тыс. центнеров свеклы. Лошади на вывозке не используются, вручную свеклу почти не возят. Большинство автомашин простаивает. А в райкоме все еще узнают, подсчитывают.

В январе «Кенигсберг альге-мейне цайтунг» писала: «Теперь война перешла на нашу немалую землю. Вся Восточная Пруссия подымется на чужестранцев». Эрих Кох грозил партизанской войной. Где же прусские партизаны? Много я ездил ночью по глухим дорогам Пруссии, мимо болот и лесов, а партизан не заметил. Вспомним героев нашей Белоруссии или Ленинградской области, вспомним партизан Тито, франтиреров Савойи. Почему же немцы в Восточной Пруссии с богомольным усердием изучают приказы, которые вывешивают русские коменданты, рьяно выполняют предписанную работу и хором проклиная Гитлера? Может быть потому, что не согласны с теориями своего фюрера? О, нет, накануне прихода Красной Армии они хором прославляли Гитлера, богомольно изучали приказы своих комендантов и ревностно рыли окопы. Они не переменились; переменились обстоятельства; и автоматы, привыкшие к слепому повиновению, они продолжают повиноваться. Народной войны нет и не может быть в стране, где нет парода. В «котле» сидят окруженные немецкие дивизии. Они упорно обороняются, контратакуют. Можно подумать, что перед нами непримиримые безумцы. Но стоит этим «безумцам» попасть в плен, как они тотчас отрываются и от своих руководителей и даже от Германии.

Осенью в Восточной Пруссии, как и во всей Германии, был создан «фольксштурм». Немецкие газеты много писали о нем, как о грозной силе. На самом деле фольксштурм—жалкая затея. Это землекопы, а не солдаты. В Баренцетейне я подобрал забытые немецкими властями панки фольксштурма; здесь и анкетные данные, и фотографии волк, и приказы. Одуловатый, лысый фермер Фриц Канерт—60 лет; одогазый Пауль Струве, приказчик—59 лет; сморщенный старичок Карл Лемпик, слесарь—60 лет... Приказ № 2: вследствие болезней ног освобождаются на три дня 67 фольксштурмистов. Вооружены фольксштурмисты чем попало; сражаются плохо—не потому, что они умнее солдат, а потому, что старше и слабее. Это—пушечное мясо, и, видимо, историческая роль фольксштурма сведется к одному несложному, но, на мой взгляд, достойному делу: уменьшить народонаселение Германии.

В полуразрушенном Кенигсберге достаточнолюдно. Немецкие беженцы живут в повозках. Мечта каждого из них—ночь и лед: море между берегом и Фришской косой замерзло. По льду пробираются крейсера, помехи, масляные пятна. И немцы в «котле» молятся о морозах.

Трудно сказать в точности, какими силами располагает генерал пехоты Госбах, который командует окруженной группировкой. Взятые в плен принадлежат к 34 различным дивизиям; разумеется, многие из этих дивизий напоминают скорее полки; но в «котле» немало и боеспособных частей, как, например, танковые дивизии «Великая Германия» и 5-я, пехотные 2-я «Герман Геринг», 95, 367, 562, 21, 203, 541, 170, 183 и другие. Почему окруженные фри-

цы сопротивляются? Скажу сразу: потому что они фрицы. Всякие рассуждения на тему—о чем думает немецкий солдат, представляются мне праздными, ибо немецкий солдат вообще не думает. Казалось бы, упорнее других должны сражаться дивизии, сформированные из уроженцев Восточной Пруссии, как 1-я, 349, 549. Но нет, солдаты из Восточной Пруссии сражаются хуже других. Патриотизма в них нет, так как патриотизм требует известного нравственного уровня. В течение пяти лет война представлялась им организованным грабежом. А теперь, видя, как их дом горит, как их семьи мечутся по полям, прусские солдаты говорят: «Это не война, а безобразие».

Офицеры говорят своим фрицам, что придет помощь, что имеется новое фантастическое оружие, что флот отгонит русских, что фюрер обязательно спасет окруженных. Любимое словечко в котле: «чудо». Немецкие колбасники и пивовары явно падают в мистицизм. Фрицы слушают разговоры о некоем новом «фау», которое в одну минуту уничтожает все в радиусе ста километров, а потом уныло спрашивают друг друга: «Слушай, а какой климат в Сибири?»

Разумеется, германская армия теперь мало напоминает ту армию, которая в 1941 году двинулась на нас. Тогда немцы были убеждены в победе. Еще год тому назад они надеялись на победу. Теперь они сражаются по инерции. У них в котле много танков и самоходных орудий, достаточно боеприпасов. Железобетонные доты, построенные в 1932—1937 гг., во многих местах прикрывают мешок; эти доты искусно замаскированы. Приходится вести бой за каждый хутор. Один пленный офицер мне сказал: «Мы уже не можем изменить конец, но мы пробуем отложить конец».

Так присужденный к казни просят о пересмотре дела, не надеясь на снисхождение, но стремясь прожить хотя бы несколько дней. Может быть, лучше всего передает психику окруженных немцев записная книжка унтер-офицера Иоганна Реше: «25 января. Отступили на полтора километра. Вилли убит. Закололи свинью. Написал письмо Ирме и разорвал, потому что почти нет, но все-таки написал. Говорят, что русские возле Бреслау. 29 января. Взял в пустом доме бритву, чулки для Ирмы, потом вырвал сил. Устал. Убит ефрейтор Грабер. Говорят, что нас посадят на корабли. Вряд ли. Снова несколько отошли. Грин и понос. 1 февраля. Очевидно катастрофа. Русских много. Говорили прежде, что они умеют только курить махорку и рубить лес. Возможно, но у них страшная артиллерия. Потери: 4 ранены, один тяжело. Приказ держаться. Говорят, что какие-то части вывозят из котла. Говорят, что привозят подкрепления. Все равно сдохнем. 7 февраля. Не понимаю, как я еще жив? Мне все теперь безразлично: и Германия и даже Ирма. Не знаю, хочется ли мне жить. Сели втроем гуся. Одним гусем у русских будет меньше. 13 февраля. Конец. Конец. Конец. А впрочем, вздор и конца не может быть. Нарыв в ухе. Стащил 50 гр. табака. Видел во сне, как Ирма спит с Рудольфом. Полное безразличие. А впрочем, гейль Гитлер!... Автор этих записей был убит 14 февраля, но мне кажется, что он умер задолго до своей смерти, как умерла его Германия. Она еще стоит на ногах, она еще воюет, но это уже помертвевшие сокращения мышц.

Немец из Эльбинга утешал себя тем, что русские умеют воевать только на своей земле. Он не был одинок в заблуждении; не раз мне приходилось слышать и даже читать подобные рассуждения, причем высказывали их не только враги, но и некоторые мнимые друзья. На чем основывалась подобная легенда? На одном: на нашем миролюбии. Русскому была понятна защита родины, но не завоевательные войны. Есть нечто глубоко патетическое в судьбе полководца, который сомневался, должен ли он преследовать французов за пределами России. Может быть, немец в Эльбинге, а с ним некоторые зарубежные дипломаты и журналисты полагали, что Крас-

ная Армия, дойдя до границы Германии, душевно ослабела? Они не поняли трагедии наших лет. Среди пестрых полчищ Наполеона были разбойники, мародеры, грубияны (особенно много было таких среди немцев). Но разве Наполеон мог устроить Майдагек? Разве его гренадеры способными были на изуверства эсэсовцев? Армия Гитлера настолько оскорбила совесть нашего народа, что, кажется, уйдя немцы в Аргентину, мы пошли бы за ними и туда. Несмотря на то, что бой в Восточной Пруссии трудный, наши солдаты ежедневно радуются, они выглядят именниками и не только от ощущения военной победы, а от глубокого нравственного удовлетворения. Чувство ответственности приподымает каждого бойца: он пришел на эту землю, как истец, как прокурор, как судья. Я не раз писал, что понятие мести не соответствует роли Красной Армии. Здесь я убедился, что Красная Армия не мстит. Ведь есть и здесь колодцы, но никто в них не бросает детей. Есть и здесь и кони и старухи, но никто не привязывает старух к конским хвостам. Мы и в мыслях не можем приблизиться к злобе и дикости фашистов. В холодный, темный день я видел, как по обледенелой дороге плелись немцы с детьми, а навстречу шли наши солдаты. Молча прошли бойцы мимо женщин. А ведь сколько среди бойцов (это были белорусы) оплакивают своих детей растерзанных, раздавленных, сожженных немцами! Расправы нет. Есть расплата. И не станет наш боец являться с немцами и немками, не уныбнется, не скажет слова: ненавижу его закалида. Много слез прольет Германия, прежде чем она растопит тот лед, который в наших сердцах.

Я не могу не сказать здесь о той тени, которая легла на это утро победы: погиб один из самых молодых и самых блистательных полководцев Иван Данилович Черняховский. Жители Воронежа, Курска, Витебска, Вильно будут вспоминать его, как освободителя; но все советские граждане не забудут, что он первым ступил на землю Германии. В нем была страсть и размах танкиста; и, казалось, никогда не изменит ему счастливая звезда. Он погиб, как солдат, в бою, погиб, не увидев дня победы; но сделал он великое дело—освободив десятки советских городов, он придавил кривого прусского орла. Мне хочется повторить прекрасные стихи Козлова:

«Прости же, товарищ! Здесь нет ничего на память могилы кровавой; И мы оставим тебя одного С твоим бессмертным славой».

А войска, которыми командовал генерал Черняховский, продолжают великое дело: колюсь сжимаются. От южного края мешка до моря каких-нибудь двадцать километров. Германия потеряла не только битву за Восточную Пруссию, она потеряла Восточную Пруссию. Этот разбойный выступ будет отрезан. Юнкеры не вернутся в свои поместья-форты. Скотоводство будет продолжаться, но разведению племенных прусаков положен конец. Вот они, замки тевтонского ордена в Растенбурге, Инстербурге, Остероде, Мариенберде... Колыбель воинствующей немечины. И здесь же ее могила.

В августе 1914 года немцы выиграли битву за Восточную Пруссию. Отвага русского солдата не могла исправить косности и невежества царских генералов. Победа при Танненберге объяснила немцам: они твердо решили, что могут справиться с Россией. Они не поняли, какой путь продолжала наша страна. Они не поняли, что Красная Армия это не армия Николая II. Теперь они носятся среди развалин, плачут, заискивающие заглядывают в глаза красноармейцев. А в Эльбинге я видел немцев, которые стояли возле тюрьмы и просили, чтобы их туда впустили: им как-то спокойнее в тюрьме. Этого они никогда не забудут, ни они, ни их дети. «Теперь доработаем»,—весело сказал мне один боец в Эльбинге. И вправду—доработаем. Живы, конечно, многие немцы останутся, но воевать после такого их и калачами не заманят.

АГИТБРИГАДА В КОЛХОЗАХ

Было это как раз перед уборкой. 12 наших лучших активистов районного Дома культуры изъявили желание составить агитбригаду. Агитаторы, музыканты, частушечники разработали программу, согласовали ее с райкомами партии и комсомола и вскоре выехали в деревню.

Бригада выступала в поле, на колхозных токах. Приятно было колхозникам после труда послушать квалифицированный доклад о международном положении, об успехах советских войск на фронтах Отечественной войны. Доклады делали ответственные работники района, а иногда и из областного центра. Приятно было колхозникам и повеселиться. А все-таки агитбригада богата. Ее хор, в котором участвовали работники артели «Ткачиха» и молодежь города, мастерски ис-

полнил старинные народные песни и песни об Отечественной войне. Большим успехом пользовалась певица Дина Будян—работница артели «Ткачиха». Она исполнила популярные песни «Пиши, не забывай», «Голуби» и другие. Во время каникул в работе агитбригады участвовали школьники. В колхозах запомнили ученика Иосифа Маркина—хорошего чтеца. Частушки хорошо исполняла Тамара Домачевская.

Бригада ставила одноактную пьесу «Принц Костя Гызов», помогала колхозным агитаторам и избачам выпускать стенгазеты, боевые листки, иногда члены бригады сами убирали хлеб.

Агитбригада обслужила 19 колхозов, отдаленных от районного центра. За свой труд она полу-

чила немало благодарностей. Наиболее успешно активисты Дома культуры работали в Казаче-Локне, Уланке, Мохновке. Колхозники из Уланки не раз просили повторить выступление агитбригады. Мы убедились, что агитбригада, которой руководит масовик Н. А. Пищиков, является хорошей формой культурной связи города с деревней. Тогда же, летом, по примеру Дома культуры, организовала агитбригаду и Суджанская средняя школа. Мы оказали ей большую помощь—обеспечили своими материалами, передавали свой опыт.

Весной наша агитбригада снова будет работать в колхозах.

Е. БУРАК,

директор Суджанского Дома культуры.